

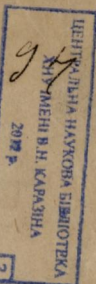
8/641

Стуц

5333

K-1927

1934

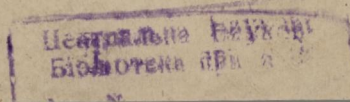

Матеріали для історії Харківського Університету.

Вліяніє натурфілософії Шеллінга.

Проф. Ө. А. Зеленогорського.

Основаніє Харківського університету относитьсѣ къ тому времени, когда въ Германіи послѣ Канта стала развиваться идеалистическая философія; особенно это основаніє совпадаетъ съ появленіемъ натурфілософії Шеллинга. Харківскій університетъ открытъ въ 1805 году, а Шеллингъ въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія издалъ три сочиненія, въ которыхъ изложилъ и развилъ свои идеи, относящіяся къ натурфілософії. Первое изъ этихъ сочиненій подъ заглавіемъ: „Идеи къ философіи природы“ (Ideen zu einer Philosophie der Natur) явилось въ 1797 году; второе сочиненіе подъ заглавіемъ: „О міровой душѣ“ (Von der Weltseele) — въ 1798 году и третье — подъ заглавіемъ: „Первый очеркъ системы натурфілософії“ (Ersten Entwurf eines Systems der Naturphilosophie) — въ 1799 году. Идеи Шеллинга, изложенныя въ этихъ сочиненіяхъ, не остались безъ вліянія на естествовѣдѣніе (Стефенсъ, Окенъ и др.) за границею; ихъ вліяніє скоро отозвалось и на представителей наукъ молодого Харківського університету. Знакомыя съ актовими рѣчами профессоровъ различныхъ факультетовъ и по различнымъ каедрѣмъ, мы ясно усматриваемъ указанное вліяніє натурфілософії Шеллинга на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Особенно характерны въ этомъ отношеніи двѣ рѣчи, относящіяся къ самому раннему періоду существованія Харківського університету: 1) рѣчь профессора *Коритарі* (Koritari), написанная на латинскомъ языкѣ и сказанная въ торжественномъ собраніи Харківського університету 30-го августа 1807 года, подъ заглавіемъ: „De nexu studii Medicinae cum studio Philosophiae“ (О связи изученія медицины съ изученіемъ философіи) и 2) рѣчь адъюнкта *Громова*, написанная на русскомъ языкѣ и произнесенная въ торжественномъ собраніи університету 30-го августа 1815 года, подъ

заглавіемъ: „Объ общихъ органическихъ силахъ и постепенномъ отношеніи ихъ между собою“. На содержаніи этихъ рѣчей мы и остановимся.

1) Въ своей рѣчи: „De nexu studii Medicinæ cum studio Philosophiæ“ профессоръ Коритаріи говоритъ прежде всего о методѣ въ наукахъ вообще и медицинѣ въ частности и доказываетъ недостаточность эмпирическаго метода. Подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ кромѣ наблюденія абстракцію, аналогію и индукцію. Наши знанія, говоритъ онъ, должны отличаться характеромъ безусловной необходимости; мы должны быть убѣждены, что то или другое существуетъ такъ, потому что иначе существовать не можетъ. Опытъ же имѣетъ дѣло только съ единичными случаями; онъ говоритъ только о фактѣ, о томъ, что случилось; но почему случилось такъ, а не иначе, отвѣтить на этотъ вопросъ опытъ не можетъ. Знаніе причины явленія и его необходимости принадлежитъ философствующему уму, который одинъ въ силу своей собственной самобытной активности достигаетъ идей, соответствующихъ причинамъ вещей; только одному ему доступно знаніе того, почему то или другое явленіе не можетъ произойти или существовать иначе, чѣмъ какъ оно существуетъ. Идеи нашего ума называются *априорными* (*a priori*), потому что онѣ превосходятъ опытъ и нерѣдко противорѣчатъ ему (авторъ приводитъ въ примѣръ идею Коперника о неподвижности солнца и движенія земли, которая была въ противорѣчій съ нагляднымъ опытомъ). Такимъ образомъ, въ силу самобытной активности человѣческаго философствующаго ума ставятся въ различныхъ наукахъ *ипотезы*, которыя нерѣдко стоятъ въ противорѣчій съ наблюденіемъ и нагляднымъ опытомъ.

Переходя специально къ медицинѣ, авторъ говоритъ: „непосредственный предметъ изученія медицины есть человѣческое тѣло“. Уже въ древности, продолжаетъ онъ, смотрѣли на организмъ человѣка, какъ на *микрокосмосъ*. Поэтому, такъ какъ природа человѣческаго тѣла не можетъ быть познана и понята безъ знанія органической природы вообще, то медицинѣ необходимо знаніе всей органической природы и законовъ, сюда относящихся; а отсюда необходимо спуститься къ изученію неорганической природы, ибо законы, которые дѣйствуютъ въ неорганической природѣ, составляютъ основаніе и органической природы. Опытъ, какъ выше сказано, не сообщаетъ намъ знанія необходимыхъ законовъ и не объясняетъ намъ, почему то или другое происходитъ такъ, а не иначе, то отсюда вытекаетъ, что и въ медицинѣ знаніе необходимыхъ законовъ принадлежитъ одной философій. „Cum vero philosophiam necessariam esse in medicinae studio asseram, говоритъ авторъ, neutiquam illud philosophiæ spectrum commendare velim,

quae in meris sita est formalitatibus ac in fructiosis subtilitatibus, sed illam scientiam, quae nullum principium proponit, nisi cujus usus necessarius pro omnibus scientiis et pro toto humanitatis bono evidenter ostendi potest; scientiam, quae licet ex purissimo rationis fonte scaturiens ideoque superior omnibus cogitationibus mere empiricis, tamen in totum experientiae campum saluberrime se diffundit, omnes ejus regiones irrigat ac fertilitate infinita foecundat; scientiam, quae, quas experientia suppeditare nequit, ideas proponit, quarum evidens necessitas certum nobis est criterium, quod per eas naturae leges rectae sint expressae, quibus omnia phaenomena diriguntur; scientiam ergo, quae tota est pro experientia, licet non sit ab experientia, haec enim solam occasionem dare potest ad ideas, legibus naturae congruentes, inveniendas, neutiquam vero ut principium agnoscendi respicienda est (26 стр.).

Въ чемъ же состоитъ эта здравая философія, охарактеризованная въ приведенномъ мѣстѣ авторомъ? Уже раньше, говоритъ онъ, принята всѣми аксіома, что природа не допускаетъ скачковъ или промежутковъ (hiatus); слѣдовательно, все держится на *законѣ непрерывности*. Если такъ, то нельзя отрицать того, что неорганическая природа должна постепенно переходить въ органическую природу. Но этотъ переходъ былъ бы абсолютно невозможенъ, если бы такъ называемая неодушевленная природа была по существу различна отъ одушевленной природы и если бы неорганическая природа была совершенно противоположна органической природѣ. Въ опытѣ, дѣйствительно, представляется, что эта противоположность существуетъ; но законъ непрерывности и разумъ не допускаютъ этой противоположности, иначе не могло бы быть никакого общенія между неорганическою и органическою природою и вторженія одной въ другую. Здравая философія устанавливаетъ по отношенію къ природѣ слѣдующее: а) матерія, будетъ ли она одушевленная или неодушевленная, одинаково есть феноменъ основныхъ силъ противоположныхъ другъ другу, но противоположныхъ не абсолютно, а относительно; б) всякое тѣло—и одушевленное и неодушевленное одинаково есть выраженіе этихъ силъ; разница существуетъ лишь въ количествѣ, пропорціи и степени и эта разница можетъ простирается до безконечности и в) эти силы являются или активными или въ состояніи покоя и это зависитъ отъ того, находятся ли онѣ въ равновѣсіи или не находятся; въ первомъ случаѣ матерія производитъ жизнь, т. е. активность, во второмъ — покой или смерть. Этотъ способъ воззрѣнія на природу указываетъ намъ истинный путь къ объясненію процессовъ какъ неорганической, такъ и органической природы. Въ неорганической природѣ существуютъ три основныхъ процесса, на

которыхъ зиждутся всѣ функціи, наблюдаемыя нами въ опытѣ. Эти три процесса суть магнетизмъ, электричество и химизмъ. Первая сила, отъ которой зависятъ всѣ функціи природы, есть условіе противоположныхъ силъ, которыхъ выраженіемъ служатъ тѣла. Эту противоположность силъ не трудно указать въ магнетизмѣ, электричествѣ и химическомъ процессѣ. Въ гальванизмѣ, который завершаетъ всѣ три указанные процесса, природа поднимается до органической жизни: онъ есть уже типъ жизни (*jam typus est vitae*), которую мы наблюдаемъ въ органическихъ тѣлахъ. Жизнь, которая находится въ органической природѣ, зависитъ единственно отъ постоянно существующаго конфликта между системою органовъ, при помощи которыхъ *возбудимость* (*incitabilitas*) находитъ себѣ выраженіе, или иначе: область *ощущенія* (*sensibilitas*) при помощи нервовъ и *раздражимость* (*irritabilitas*) при помощи кровеносныхъ сосудовъ, мускуловъ и прочихъ органовъ, относящихся къ пищеваренію, ассимиляціи и репродукціи.

Вообще гдѣ существуетъ равновѣсіе между противоположными силами, тамъ поддерживается активность и жизнь; напротивъ, при нарушеніи равновѣсія, активность природы прекращается, настаетъ покой или смерть. Въ цѣлой природѣ существуютъ двѣ основныхъ силы: сила *положительная* (*vis positiva*) и сила *отрицательная* (*vis negativa*). Въ неорганической природѣ положительная сила есть сила *экспансивная* (*vis expansiva*); отрицательной же силѣ соответствуетъ *притягательная* сила (*vis attractiva*); въ органической же природѣ существуютъ двѣ основныхъ силы: *ощущеніе* (*sensibilitas*) и *раздражимость* (*irritabilitas*). По отношенію къ медицинѣ слѣдуетъ остановиться на выводахъ, которые необходимо вытекаютъ изъ всего вышесказаннаго: а) если вѣрно, чего нельзя отрицать, что природа можетъ дѣйствовать не иначе, какъ чрезъ конфликтъ противоположныхъ силъ, то по отношенію къ организму слѣдуетъ, что для продолженія его жизни необходимо конфликтъ ощущенія и раздражимости, какъ противоположныхъ силъ; б) если жизнь поддерживается только при условіи равновѣсія противоположныхъ силъ, то необходимо, чтобы ощущеніе и раздражимость находились въ равновѣсіи и тѣмъ поддерживали здоровье и нормальное состояніе организма; какъ скоро это равновѣсіе нарушится, т. е. какъ скоро со стороны ощущенія или со стороны раздражимости послѣдуетъ перевѣсъ, то явится болѣзнь (*tantum praevalente unius prae altera energia excessiva, nascitur morbus*); если не противодействовать ей, то послѣдуетъ смерть. Безъ конфликта нѣтъ жизни; конфликтъ же уничтожается, какъ скоро уничтожается одна сила чрезъ чрезмерное развитіе другой противоположной силы; смерть въ этомъ случаѣ слѣдуетъ

необходимо. Итакъ, задача медика очевидна: во всѣхъ болѣзняхъ, гдѣ ощущение беретъ перевѣсъ, нужны медицинскія средства для уничтоженія угнетеннаго состоянія раздражимости и обратно.

2) Адъюнктъ Громовъ въ своей рѣчи подѣ заглавіемъ: „Объ общихъ органическихъ силахъ и постепенномъ отношеніи ихъ между собою“ почти не говоритъ о неорганической природѣ; только въ началѣ рѣчи замѣчаетъ, что простота законовъ отличаетъ механизмъ, сложность же ихъ отличаетъ организмъ, а среднее мѣсто между механизмомъ и организмомъ занимаетъ химизмъ. Подѣ общими органическими силами онъ разумѣетъ: *ощущеніе* (sensibilitas), *раздражимость* (irritabilitas) и *репродукцію* (reproductio). Ощущеніе и репродукція занимаютъ крайнія точки и противоположны между собою; среднее мѣсто между ними занимаетъ раздражимость. Какъ видно Громовъ выдвигаетъ на первый планъ *трихотомію*, между тѣмъ какъ у Коритари первенствующее мѣсто занимаетъ *дихотомія*; но та и другая одинаково находятся въ первоисточникѣ, въ зависимости отъ котораго оба они находятся, и одинаково служатъ руководящими методическими принципами въ построеніи натурфилософіи. Свое тройное дѣленіе Громовъ подкрѣпляетъ дѣленіемъ организма на части, а именно: а) нервы, б) мускулы и в) волокна. Равнымъ образомъ, онъ видитъ подтвержденіе прочности указаннаго дѣленія и на почвѣ развитія органической жизни. Ощущеніе, говоритъ онъ, имѣетъ перевѣсъ въ животномъ организмѣ; между тѣмъ какъ репродукція по преимуществу отличаетъ растеніе; зоофиты, которые извѣстны были уже въ древности, занимая среднее мѣсто между животными и растеніями и составляя переходную ступень отъ животнаго организма къ растительному, уравниваютъ упомянутый перевѣсъ ощущенія въ животныхъ и репродукціи въ растеніяхъ ¹⁾.

Основное положеніе, которое въ рѣчи развивается и доказывается, или вѣрнѣе—основной законъ, который формулируется и существованіе котораго въ органической природѣ доказывается, состоитъ въ томъ,

¹⁾ Стремленіе прибѣгать къ *трихотоміи* Громовъ обнаруживаетъ и въ другихъ мѣстахъ рѣчи. Напр., когда онъ говоритъ объ *ощущеніи*, то принимаетъ не пять высшихъ чувствъ, а шесть и подѣ шестымъ онъ разумѣетъ не мускульное чувство, отличное отъ осязанія, а чувствованіе или ощущение матеріальнаго (массивнаго). Эти шесть чувствъ онъ дѣлитъ на два отдѣла, отчислая къ каждому отдѣлу по три чувства: а) чувствованіе массивнаго, осязаніе и зрѣніе—для впечатлѣній *пространства*; б) обонаніе, вкусъ и слухъ—для впечатлѣній *времени*. Равнымъ образомъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ, что черви и насѣкомыя живутъ какъ бы въ *будущемъ*; моллюски и земноводныя—въ *настоящемъ*; рыбы и птицы—въ *прошедшемъ*.

что *ощущеніе и репродукція находятся между собою въ обратномъ отношеніи*; съ увеличеніемъ одной изъ этихъ органическихъ силъ уменьшается другая. Млекопитающія, отличающіяся полнотою и разнообразіемъ ощущеній, одарены репродукціею въ наименьшей степени; въ полипахъ, лишенныхъ разнообразія внѣшнихъ чувствъ, репродукція весьма увеличена; но наивысшей степени она достигаетъ въ растеніяхъ; послѣднія кромѣ обыкновеннаго способа распространяются корнями, почками, отпрысками, луковицами и вѣтвями. Въ объясненіе этого явленія Громовъ говоритъ: чѣмъ болѣе область ощущеній имѣетъ перевѣсъ, тѣмъ болѣе жизненность бываетъ сосредоточенною и каждая часть живетъ только въ соединеніи съ цѣлымъ; напротивъ постепенное уменьшеніе этой области (ощущенія) приводитъ и самый организмъ въ простѣйшій видъ. Въ этомъ случаѣ жизнь организма дѣлается болѣе независимою отъ цѣлаго и она, не имѣя, такъ сказать, сосредоточія, въ равной почти степени одушевляетъ каждую часть; отчего эти части, будучи отдѣлены, начинаютъ собственную свою жизнь и превращаются наконецъ въ цѣлое. Уменьшеніе перевѣса области ощущенія зависитъ не отъ одного уменьшенія количества внѣшнихъ чувствъ, но и отъ большаго или меньшаго совершенства ихъ. Такимъ образомъ, у млекопитающихъ, птицъ, земноводныхъ и рыбъ хотя количество внѣшнихъ чувствъ и остается не уменьшеннымъ, однако простѣйшее устройство нѣкоторыхъ ограничиваетъ кругъ ихъ дѣятельности, ибо органы чувствъ лишаются произвольнаго движенія, бываютъ одѣты покровами, лишаются нѣкоторыхъ частей, служащихъ къ усиленію ощущенія, или, наконецъ, принимаютъ невыгодное положеніе. Замѣчено въ животныхъ организмахъ постепенное лишеніе чувственныхъ органовъ, пока, наконецъ, все разнообразіе ощущеній не сольется въ одно общее и безразличное чувство.

Среднее мѣсто, какъ сказано, между ощущеніемъ и репродукціею занимаетъ *раздражимость (irritabilitas)*. Движенія въ организмѣ суть обнаруженія дѣйствія раздражимости. Эти движенія относятся или къ *внутреннимъ* частямъ тѣла или къ *внѣшнимъ*. Органы послѣднихъ суть мускулы. Если указанныя движенія разсматривать со стороны произвольности, то наименьшая произвольность относится къ движеніямъ внутреннихъ частей, а наибольшая — къ внѣшнимъ. Послѣднія подчинены ощущеніямъ и тѣсно связаны съ ними. Въ животныхъ организмахъ *чѣмъ болѣе перевѣсъ имѣетъ область ощущеній, тѣмъ совершеннѣе и опредѣленнѣе бываютъ образованы органы, обладающіе произвольною раздражимостію*. Съ ограниченіемъ количества чувственныхъ органовъ сокращается и область раздражимости; наконецъ, остается

одна живая масса, способная сокращаться неопредѣленно и нецѣлесообразно; уничтожается различіе между раздражимостію внѣшнихъ и внутреннихъ частей или вѣрнѣе: съ уменьшеніемъ вліянія ощущенія на раздражимость усиливается раздражимость *внутреннихъ* частей; части получаютъ большую независимость отъ цѣлаго и раздражимость переходитъ въ репродукцію.

Подъ *репродукціею* (reproductio) авторъ разумѣетъ такое дѣйствіе, посредствомъ котораго каждое органическое тѣло стремится поддерживать свою жизнь или въ индивидуумѣ вознагражденіемъ періодически или случайно утрачиваемыхъ частей или распространеніемъ своего рода въ поколѣніи. Уже было сказано, что репродукція находится въ обратномъ отношеніи съ ощущеніемъ; извѣстно: *чѣмъ больше беретъ перевѣсъ репродукція, тѣмъ больше сокращается область ощущенія*, да и раздражимость, вызываемая во *внѣшнихъ* частяхъ тѣла внѣшними предметами, которая, какъ сказано, идетъ рука объ руку съ ощущеніемъ и подчинено послѣднему, уменьшается. Что касается репродукціи перваго рода, т. е. вознагражденія утрачиваемыхъ въ индивидуумѣ частей, то въ высшихъ организмахъ она наиболѣе замѣтна въ ихъ покровахъ, а равно и другихъ, необладающихъ ощущеніемъ, наружныхъ частяхъ; въ низшихъ же организмахъ даже внутреннія части измѣняются вновь образовавшимися; въ нѣкоторыхъ она замѣчательна измѣненіями, какимъ они подвергаются прежде, нежели достигнуть своего опредѣленнаго вида; въ другихъ эта репродукція образуетъ новые индивидуумы на ихъ тѣлѣ. Въ послѣднемъ случаѣ репродукція дѣлаетъ переходъ къ распространенію самаго поколѣнія. Важнѣйшее дѣйствіе репродукціи относительно поколѣнія заключается въ особенныхъ для сего органахъ, различіе которыхъ опредѣляетъ полъ въ органическихъ тѣлахъ обоихъ царствъ—животнаго и растительнаго. Животныя высшаго разряда имѣютъ эти органы отдѣльными; но уже во многихъ моллюскахъ они бывають соединены въ одномъ и томъ же индивидуумѣ, а въ самыхъ низшихъ организмахъ по отношенію къ полу не замѣчается различія и распространеніе племени совершается посредствомъ отдѣляемыхъ внутреннею дѣятельностію частей отъ цѣлаго, которыя и начинаютъ новую индивидуальную жизнь. Послѣднее свойственно по преимуществу растеніямъ; но оно встрѣчается и между животными, приближающимися по своему простому строенію къ растеніямъ.

Кто знакомъ хотя въ общихъ чертахъ съ натурфилософіею Шеллинга, заключающеюся въ его сочиненіяхъ, указанныхъ нами вна-

чалъ, тотъ знаетъ, что основныя идеи двухъ изложенныхъ нами рѣчей развиты Шеллингомъ въ его натурфилософіи; особенно рѣчь Коритари представляетъ краткое изложеніе основныхъ положеній натурфилософіи Шеллинга. Чтобы безпристрастно оцѣнить натурфилософскія идеи самого Шеллинга съ исторической точки зрѣнія и опредѣлить ихъ значеніе для своего времени, считаемъ нужнымъ кратко очертить исторію возникновенія его натурфилософіи.

Натурфилософія Шеллинга возникла и создавалась подъ различными и сложными вліяніями. Эти вліянія были съ двухъ сторонъ: со стороны философіи и со стороны естественныхъ наукъ. Что касается вліяній со стороны философіи, то здѣсь мы не будемъ заходить далеко въ исторію и говорить о Джіордано Бруно и другихъ натурфилософахъ эпохи возрожденія, а начнемъ со вліянія на Шеллинга Лейбница и Спинозы. Лейбницъ своимъ ученіемъ о монадахъ положилъ основаніе *динамическому* воззрѣнію на природу, которое не замедлило проникнуть въ естественныя науки; духъ и матерію онъ свелъ на понятіе *силы*. Онъ установилъ идею непрерывнаго развитія, идею послѣдовательнаго порядка существъ по степени совершенства ихъ и идею гармоническаго устройства міра. Всѣ эти идеи усвоены Шеллингомъ, хотя и не съ абсолютной точностію. Лейбницъ слишкомъ сильно выдвинулъ значеніе въ природѣ индивидуума съ его самостоятельностью и независимостію; ко времени же Шеллинга сдѣлалась преобладающею идея *монизма* (ἐν καὶ πᾶν). Это совершилось подъ вліяніемъ философіи Спинозы. Шеллингъ также склонился на сторону этой философіи. Вообще не видно, чтобы онъ сомнѣвался во взглядѣ на міръ, какъ гармоническое цѣлое, развивающееся изъ *единачнаго начала*. Задача для него состояла въ томъ, чтобы уяснить себѣ процессъ міроваго развитія, найти и уловить законъ и однообразіе въ процессѣ этого развитія. Рѣшеніемъ этой задачи занимался не онъ одинъ. Въ этомъ онъ находится уже подъ вліяніемъ Фихте. Послѣдній раньше Шеллинга сдѣлалъ попытку на почвѣ *субъективнаго идеализма* установить этотъ законъ: въ области субъективной развитіе совершается по *тезису*, *антитезису* и *синтезису*. Я и не я нераздѣльно существуютъ вмѣстѣ въ досознательный періодъ; раздвоеніе между ними является съ началомъ процесса развитія; здѣсь они являются, какъ субъектъ и объектъ, противостоятъ другъ другу и ограничиваютъ одно другое; дальнѣйшій процессъ вызывается тѣмъ, что я, какъ абсолютное и неограниченное по существу, не можетъ оставаться ограниченнымъ. То, что Фихте открылъ въ области субъективной, Шеллингъ надѣялся открыть въ области чувственныхъ явлений, въ области наблюденія и опыта. Съ этою цѣлью онъ въ 1796 г.

съ рвеніемъ предался изученію естественныхъ наукъ. Эти занятія укрѣпили въ немъ надежду на достиженіе предположенной имъ цѣли. Съ половины XVIII вѣка въ естественныхъ наукахъ совершился переворотъ въ томъ отношеніи, что прежнее *механическое* воззрѣніе на природу стало смѣняться *динамическимъ*. Въ срединѣ этого столѣтія открытія въ области явленій электричества быстро слѣдовали одно за другимъ. Со времени Лавуазье и Пристли начались открытія въ химіи. Наконецъ, связь электричества съ химическими процессами выдвинута была въ научныхъ изслѣдованіяхъ на первый планъ; гальанизмъ занималъ умы ученыхъ; стали думать, что гальанизмъ сопровождаетъ самые процессы жизни. Все это изучилъ Шеллингъ и пришелъ къ заключенію, что разгадка процессовъ неорганической природы имъ найдена. Онъ убѣдился, что тайна природы заключается въ томъ, что *она держитъ противоположныя силы въ равновѣсіи* или въ непрерывно продолжающейся и никогда не прекращающейся борьбѣ. Къ этому убѣжденію приводило его изученіе *электричества* съ его двойственностію, *магнетизма* съ такою же двойственностію; таже двойственность силъ предполагалась и въ *химическихъ процессахъ*; самая матерія, какъ училъ еще Кантъ, есть продуктъ дѣйствія двухъ силъ *отталкивательной* и *притягательной*; въ связи съ этимъ существуетъ *пространство* и *время*; всюду въ *неорганической* природѣ совмѣстно дѣйствуютъ двѣ силы: *положительная* и *отрицательная*. Оставалось отыскать тѣже двѣ противодѣйствующія силы въ *органической* природѣ. Въ этомъ случаѣ Шеллингу помогла теорія шотландскаго доктора *Броуна*, который подъ вліяніемъ открытія Галлера о самобытной раздражимости мускуловъ, независимой отъ дѣйствія нервовъ, объяснялъ происхожденіе болѣзни въ организмѣ изъ ненормальнаго отношенія между *ощущеніемъ* и *раздражимостію*. Ощущеніе принадлежитъ системѣ нервовъ, раздражимость—системѣ мускуловъ; той и другой системѣ одинаково свойственна *возбудимость* (*incitabilitas*); возбудимость одной изъ нихъ должна уравновѣшиваться возбудимостію другой; нарушеніе равновѣсія порождаетъ болѣзнь. Теорія Броуна какъ разъ представляла то, чего искалъ въ органической природѣ Шеллингъ, и онъ не замедлилъ ею воспользоваться для своей натурфилософіи.

Теперь для насъ понятна и рѣчь *Коритарі* съ исторической точки зрѣнія, ея идеи, ихъ источникъ, происхожденіе и т. д. Что касается рѣчи Громова, то она могла быть составлена непосредственно подъ вліяніемъ того источника, которымъ воспользовался и Шеллингъ для своей натурфилософіи. Это—рѣчь мало кому извѣстнаго въ настоящее время *Кильмейера* (Kielmeyer): „Объ отношеніи органическихъ силъ

между собою“ (Über das Verhältniss organischen Kräfte 1793 года). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками этой рѣчи. По *Целлеру* (Geschichte der deutschen Philosophie seit Leibnitz. 653 стр.), Кильмейеръ въ этой рѣчи на основаніи развитія и отношенія основныхъ органическихъ силъ между собою: *ощущенія* (Sensibilität), *раздражимости* (Irritabilität) и *репродукціи* (Reproduktion) старается доказать, что органическая природа, начиная съ млекопитающихъ, образуетъ непрерывную нисходящую линію: способность ощущенія при этомъ постепенно ограничивается чрезъ раздражимость и репродукцію и наконецъ самая раздражимость ослабляется чрезъ репродукцію; чѣмъ болѣе увеличивается одна, тѣмъ болѣе ослабляется другая; менѣе всего мирятся между собою ощущеніе и репродукція; чѣмъ болѣе одна изъ этихъ силъ увеличивается, тѣмъ болѣе уменьшается другая. Количество той и другой силы уменьшается въ неизвѣстной пропорціи. Одинъ и тотъ же законъ имѣетъ значеніе какъ по отношенію къ различнымъ организаціямъ, размѣщеннымъ въ извѣстномъ порядкѣ, такъ и по отношенію къ индивидуумамъ одного и того же рода, размѣщеннымъ также въ извѣстномъ порядкѣ, и къ періодамъ развитія одного и того же индивидуума. Но это самое отношеніе указываетъ на то, что существуетъ общая причина, которая дѣйствуетъ во всѣхъ этихъ силахъ, отъ которой зависятъ и движеніе и покой одушевленной природы, а также перемѣны отношеній между ея частями;—сила, которая, можетъ быть, первоначально возбуждается свѣтомъ, доселѣ находить себѣ постоянныхъ защитниковъ. Эта рѣчь произвела на Шеллинга такое сильное впечатлѣніе, что онъ сказалъ: впослѣдствіи ее будутъ считать началомъ совершенно новой эпохи въ естественной исторіи. Но спустя два года Шеллингъ открылъ, что главная мысль рѣчи Кильмейера относительно того, что ощущеніе ограничивается чрезъ раздражимость и затѣмъ та и другая—чрезъ репродукцію, высказана Гердеромъ въ его сочиненіи: „Идеи къ исторіи челоуѣчества“ и отсюда взята Кильмейеромъ. Идеи Кильмейера и законъ отношенія между органическими силами, намѣченный Гердеромъ и получившій обстоятельное развитіе у Кильмейера на почвѣ естественной исторіи и фізіологіи, были важнымъ приобрѣтеніемъ для Шеллинга и его натурфілософіи. Если раньше онъ считалъ выясненнымъ и достаточно установленнымъ общій законъ дѣйствія отдѣльныхъ силъ, то теперь выяснился для него другой законъ отношенія между силами и взаимной ихъ зависимости. Считая законъ отношенія между органическими силами, какимъ нашелъ онъ его у Кильмейера, прочно установленнымъ, Шеллингъ спѣшилъ сдѣлать тоже самое и по отношенію къ силамъ неорганической природы по аналогіи. По этой аналогіи, какъ она

устанавливается Шеллингомъ, способности ощущенія въ неорганической природѣ соотвѣтствуетъ магнетизмъ, раздражимости — электричество, репродукціи — свѣтъ и химическій процессъ. И здѣсь, т. е. въ неорганической природѣ существуетъ тотъ же законъ соотношенія силъ; высшая функція теряется въ подчиненной чрезъ то, что „высшій факторъ исчезаетъ и низшій факторъ подчиненной силы становится высшимъ“. Какъ въ органической природѣ способность ощущенія служитъ всеобщимъ источникомъ силы, такъ въ неорганической природѣ этимъ источникомъ служитъ магнетизмъ; первой подчинены всѣ органическія силы, второму — всѣ динамическія силы и т. д. Тѣмъ смѣлѣе шелъ Шеллингъ въ этихъ аналогіяхъ и обобщеніяхъ, чѣмъ болѣе они соотвѣтствовали принципамъ „Наукословія“ Фихте, относящимся къ ходу развитія субъективной жизни по тезису, антитезису и синтезису. Законъ отношенія между органическими силами, начертанный Кильмейеромъ и заимствованный у него Шеллингомъ, настолько дѣлается въ то время популярнымъ въ школѣ Шеллинга и настолько кажется несомнѣннымъ, что безъ критики принимается и заносится въ сочиненія по натурфилософіи и естествовѣдѣнію. Неудивительно, что Громовъ выбралъ изложеніе его темой для своей актовой рѣчи.

Мы занялись этими небольшими историческими справками и указаніями по поводу двухъ изложенныхъ нами актовыхъ рѣчей не для того, чтобы уличить авторовъ этихъ рѣчей въ плагиатъ и заимствованія; наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы показать, что представители наукъ въ молодомъ только-что основанномъ Харьковскомъ университетѣ стояли на высотѣ своего призванія, слѣдили за послѣднимъ словомъ западной науки и знакомили слушателей и публику съ успѣхами наукъ. Будучи представителями специальныхъ наукъ, они тѣмъ не менѣе не останавливались передъ трудностями изученія натурфилософіи вообще и въ частности натурфилософіи Шеллинга, въ то время совершенно новой и не легкой для пониманія и усвоенія. Они не только сами изучаютъ ее, но и рѣшаются излагать ея основныя положенія передъ публикою. Несомнѣнно, что напр., Громовъ, котораго рѣчь написана на русскомъ языкѣ, встрѣтилъ не мало затрудненій въ передачѣ философско-научныхъ идей, когда у насъ не существовало еще терминологіи для выраженія этихъ идей. Это видно въ самой рѣчи Громова (напр., *sensibilitas* онъ переводитъ терминомъ: *чувственность* и *способность чувствованія*; *irritabilitas* — терминомъ: *раздражительность*; *reproductio* — терминомъ: *производительность*; органическое тѣло названо у него *стройнымъ тѣломъ* и т. д.). Тѣмъ не менѣе сущность дѣла въ той и другой рѣчи изложена вполне удовлетворительно съ подобающею

ясностію и отчетливостію; отвлеченныя философскія мысли переданы свободно съ полнымъ пониманіемъ. Съ современной точки зрѣнія, можетъ быть, могли бы сдѣлать авторамъ этихъ рѣчей тотъ упрекъ, что они слишкомъ много занимались философско-научными теоріями и слишкомъ много довѣряли этимъ теоріямъ въ ущербъ опытному изученію предмета. Но этотъ упрекъ отнесся бы къ большинству натуралистовъ того времени, особенно въ Германіи. Нужно сказать, что эти теоріи не прошли безслѣдно для науки. Теорія *превращенія силъ* Мейера, которая явилась столь плодотворною въ наукахъ въ новое время и вліяніе которой на науки, вѣроятно, будетъ продолжаться и впредь, несомнѣнно имѣетъ связь съ нѣкоторыми философско-научными теоріями Шеллинга. Кто рѣшится отрицать значеніе естественно-научныхъ трудовъ натуралиста Кювье? Но Кювье былъ знакомъ съ рѣчью Кильмейера объ отношеніи органическихъ силъ между собою и это знакомство не осталось безплоднымъ для его естественно-научныхъ изслѣдованій. Натуралистъ Окенъ, ученикъ Шеллинга, намѣтилъ цѣлый рядъ *аналогій*, относящихся къ животному царству. Хотя большинство ихъ отвергнуто; но своимъ методомъ онъ производилъ вліяніе на натуралистовъ, которые установили истинныя и полезныя аналогіи среди животнаго царства, принятые въ настоящее время наукою. Несомнѣнно что *синтетическая* философія Спенсера съ ея общими и отвлеченными законами *дифференціаціи* и *интеграціи*, съ ея эволюціею вообще произвела свою долю вліянія на науки и ея представителей. Что есть много *общаго* между натурфилософіею Шеллинга и синтетическою философіею Спенсера, съ этимъ не можетъ несогласиться тотъ, кто знакомъ съ тою и другою, хотя, вѣроятно, самъ Спенсеръ и его почитатели не согласились бы съ этимъ. Было ли полезно перенесеніе философско-научныхъ теорій на новую почву, каковъ былъ Харьковскій университетъ съ его слушателями и публикою, отвѣтить на этотъ вопросъ трудно. Осмѣливаемся думать, что методъ *аналогій* и *сближеній*, какимъ отличалась натурфилософія Шеллинга, — методъ, дѣйствующій на воображеніе и близкій къ поэзіи и творчеству, наиболѣе соответствовалъ молодому уму и поражалъ его, возбуждая въ немъ интересъ и увлеченіе; съ этой точки зрѣнія отвѣтъ на поставленный вопросъ ясенъ.

Отдѣльные оттиски изъ „Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета“, вып. IV 1893 года.

Харьковъ. Типографія Адольфа Дарре, Рыбная ул., № 28.